

Анна Стреминская

ТЫ ПОМНИШЬ

Заберите меня, заберите отсюда...
Я соскучился, мамочка, я не дрожащая тварь,
я – природы венец и великолепное чудо.
Вл. Гандельсман

Появление

Тебе никто никогда не верит, и слова твои даже чаще всего вызывают смех у окружающих, но ты помнишь, как тебя принесли домой из роддома.

Ты помнишь, что тебя вынесли холодным пасмурным днем на улицу и тут же прикрыли твое крохотное лицо одеялом, что тебе понравилось не слишком...

Затем сели в машину, и тебя замутило от густого запаха бензина, наполнявшего ее. После ты помнишь, что в квартиру тебя внесла пожилая женщина – твоя бабушка, в квартире днем было темно, и потому включили свет. Еще помнишь озабоченное лицо молодого мужчины – своего отца.

Потом тебя положили в кровать, которая была загорожена гладильной доской, чтобы ты не выпала, и тебе тут же показалось, что тебя положили в глубокий колодец и там забыли. И это жуткое ощущение себя – такой маленькой и беспомощной, да еще и туго спеленутой...

Но пришла твоя мама и взяла тебя на руки, и стала кормить грудью. И тут ты поняла, что ты не одна, и всем нужна, и тебя не оставили...

Дальше ты помнишь почти все: как тебя учили говорить и ходить, и как мама впервые дала тебе в чайной ложечке яблочный сок – он взорвался у тебя во рту новым, волшебным вкусом.

Помнишь, как тебя впервые повели в ясли, и свой испуг и молчание в течение целого дня, и то, что с собою ты взяла из дома странную игрушку – какую-то зеленую поварешку, для чего – и сама не знала. И как ты огорошила воспитателей целой, законченной фразой: «Мама, Настя так скучала по тебе!» – когда за тобой пришла твоя мама.

Муки кормления

В яслях ты впервые услышала слово «ироды». Иродами назывались все дети, без исключения. Очевидно, воспитательницы чувствовали себя несчастными уже из-за факта наличия детей на своей работе. Действительно, насколько спокойнее было бы без них!

Иродов усаживали возле открытой форточки в холодное время года, очевидно, чтобы часть из них простудилась, и чтобы на следующий день иродов в ясли пришло бы поменьше.

Ты помнишь, чем там кормили: рассольник или винегрет, отвратительные на детский вкус (это после бабушкиных вареничков, котлеток и жареной картошки!). Тебя запихивали этим рассольником каждый день, и тебя каждый день от него рвало. Однажды тебя заставили есть содержимое тарелки уже после...

Впрочем, не без лучика было в этом темном царстве: одна из воспитательниц, тетя Муся, просто подсаживалась к тебе и, спросив: «Настенька, ты не будешь?» – с аппетитом доедала все вместо тебя. Да, было и счастье!

Скоро твоей бабушке предложили забрать тебя из этого престижного заведения. «Бабушка, научите свою внучку кушать!» – так было сказано ей на прощанье.

И бабушка рьяно взялась за твое обучение: тебе было заявлено, что жареная картошка будет только по воскресеньям, а в остальное время ты будешь учиться есть простую человеческую еду!

И ты помнишь свои бесконечные сидения над тарелкой с уже остывшим борщом или с макаронами по-флотски... При этом ба-

бушка Нюра произносила длинные монологи о том, что именно из-за такого уroda, как ты, она ушла на пенсию раньше времени, а могла бы еще работать в своей поликлинике и находиться среди людей. Твоя вина плавала в тоскливом остывшем борще и показывала тебе унылый длинный язык...

Забегала в гости бабушкина сестра, педагог по профессии и призванию, и говорила: «А сейчас мы будем играть в столовую!» – и стул поворачивался к тебе спинкой, изображая окошко выдачи. Приятным голосом Зинаида Николаевна произносила: «Мы вы-даем вам первое блюдо!» – и борщ, как по мановению волшебной палочки, становился необыкновенно вкусным и съедался почти мгновенно. Такая же судьба постигала и макароны по-флотски.

Однажды во время бабушкиных криков при попытке тебя накормить у тебя начались горловые спазмы, и ты несколько дней почти не могла глотать, но боялась сказать об этом даже маме... Потом само собой это как-то прошло.

Тогда же, года в четыре, ты научилась читать, уже зная по кубикам все буквы. Видя, как твоя мама-библиотекарь все время читает, ты принесла ей первую попавшуюся книжку с просьбой научить тебя читать. Во время обучения ты пришла в страшное возбуждение, довольно быстро научившись складывать буквы в слова, и вскоре начала читать совершенно бегло.

Тебя даже водила в свою школу бабушкина сестра Зинаида Николаевна, и ты показывала в свои четыре года мекавшим и бекавшим первоклашкам, как нужно читать. «Во малая шпарит!» – слышала ты восхищенный шепот, доносящийся со всех сторон. В то время ты приобрела репутацию вундеркинда.

Но вскоре тебя отдали в детский садик, и там ты немедленно получила прозвище Соска. Сосками назывались все дети, которые плохо и медленно ели. И опять страшным кошмаром маячила перед тобой необозримая тарелка тошнотворного сладковатого винегрета, который, казалось, не кончится никогда...

Впрочем, за одну вещь тебя там все же уважали, и тут ты была непререкаемым авторитетом: когда воспитателям было лень читать детям сказки, они поручали это тебе – ты сидела перед всеми на стульчике, читала с выражением, и все остальные трепетно тебе внимали...

А наказания в детском садике практиковались такие: с провинившихся мальчика или девочки снимали трусы и заставляли стоять в одной майке перед всей группой. Тебя, слава Богу, миновала чаша сия... Но ты помнишь мальчика, который, стоя в таком виде перед остальными детьми, шептал себе под нос, что когда он вырастет, то убьет всех воспитателей.

«Девочка со спичками»

Ты приходила в детский сад чаще всего с книжкой, садилась где-то в уголке, в стороне от других детей, кричащих и играющих в песочнице, и увлеченно читала. Воспитатели отбирали у тебя книжку и посылали играть к детям в песочницу, но ты не знала, что, собственно, там делать и как с ними играть... Тебя могли обидеть, мог подойти, например, мальчик и ударить кубиком по голове, но ты не знала, как на это реагировать и как себя защищать.

Впоследствии бабушка научила тебя этому, она просто сказала: «Если тебя бьют, то давай сдачи!». Ты сначала не понимала: как это – давать сдачи? Но слова эти запомнились, и впоследствии, уже в школе, ты поняла, что это значит, и даже вошла во вкус этого занятия.

Любовь к чтению довела тебя однажды до нервного срыва. Твой папа купил для тебя на Староконном базаре книжку Г.Х. Андерсена «Девочка со спичками». Книжка была очень старая, желтые страницы ее рассыпались. Ты ее тут же с увлечением прочитала. Но что это?! В твоём мире все сказки заканчивались хорошо, главные герои никогда не умирали. В твоём мире не было Бога. «Бога нет!» – так сказала мама, хотя в углу, в бабушкиной и твоей по совместительству комнате, висела старинная икона Спасителя в окладе. Герои не умирали, не замерзали на улицах и не уходили к чужому непонятному Богу в сопровождении чужих непонятных ангелов.

А тут маленькая девочка замерзла на улице и умерла! Картина мира была нарушена... Как же ты должна была на все это реагировать?! С тобою началась истерика, ты плакала, ты повторяла: «Как это так? Почему она умерла?!». Тебя пытались успокоить,

тебя уложили в постель, тебя всю трясло. Успокоилась ты только на следующий день, когда папа сказал, что есть продолжение этой сказки, и что девочка на самом деле не умерла, ее нашел на улице добрый доктор, принес ее домой и отпоил бульоном, а потом удочерил. Твой мир снова был восстановлен, он стал привычным и понятным, в нем все стало на свои места.

Кот

Ты помнишь, что это было летом, и ты находилась в своем слободском дворике, в палисаднике, густо увитом виноградом, дающим такую приятную легкую тень... Ты хочешь перебежать этот маленький дворик, чтобы попасть к себе домой, в квартиру, и тут слышишь оглушительный звук выстрела и пронзительный, почти детский крик. И видишь: кричит большой серый в полоску кот, кричит и как-то странно извивается на земле. Потом кот замолкает, и по земле расползается темно-красная лужа...

Зато хохочет во все горло сосед Юрка, мужик лет тридцати, сверкая золотыми зубами. У Юрки было охотничье ружье, и он иногда так развлекался, отстреливая забежавших во двор чужих котов.

Ты хотела перебежать двор за секунду до этого. Тебя не было видно из-за густого винограда в палисаднике. Если бы ты выскочила из палисадника немного раньше, то Юрка мог бы застрелить тебя.

Тарантелла

В твоём дворе жила соседка Клавка (иначе ее никто не называл) по прозвищу Тарантелла. Иначе ее еще называли Информбюро. Жила она в квартире № 1, в начале двора, и потому всегда видела, кто заходит во двор, выбегала, узнавала, к кому и по какой причине. Было ей в то время лет 50 – это была роскошная и темпераментная одесситка. Она даже одно время позировала твоему папе – художнику.

Тарантелла знала не только, что происходит в ее родном дворе, но, пожалуй, и на всей Слободке, особенно в районе слободского базарчика.

Летом она могла выйти во двор, в свою летнюю кухню, в фартуке, надетом на голое тело. Фартук был широким, его хватало на то, чтобы сзади полностью прикрыть ее необъятную филейную часть, а спереди он прикрывал грудь, но не слишком – в общем, получалось довольно-таки пикантно.

Тарантелла любила иногда удариться в воспоминания: то вспоминала, как во время войны прятала у себя дома евреев, то вспоминала немцев, которые были расквартированы в слободских домах, а иногда рассказывала соседкам, как она соблазняла немца по имени Франц, здоровенного деревенского кузнеца.

«Я надела на голое тело черное шелковое почти прозрачное платье и пришла во двор твоей прабабки Ириши, – говорила она тебе, – а там Франц во дворе рубил дрова. А я давай пред ним танцевать – и так, и эдак... А он достал свой инструмент и погнался за мной! Ну что тут сказать – много разных я видала, но такого здорового – никогда! Я бегу от него, а он – за мной! Насилу убежала от него – я ж только подразнить его хотела...»

Насчет инструмента ты не очень-то понимала: тебе представлялось, что Франц гонялся за Тарантеллой с большим топором, которым рубил дрова.

Наверное, ему не понравилось, как она танцует, думала ты, и как хорошо, что он ее не догнал, а то зарубил бы топором насмерть...

Зинаида Николаевна

По сестре твоей бабушки Зинаиде Николаевне особенно замечалось, что в роду была греческая кровь. Гречанкой была твоя прабабка Ирина, а Зинаида Николаевна имела породистое красивое лицо с крупным греческим носом.

Всеобщая любимица, она всех заражала весельем и обаянием, и в доме у нее часто собирались гости, которых она считала своим долгом накормить повкуснее. Столы всегда ломились от холод-

цов, оливье, фаршированной рыбы, рыбы с черносливом, голубцов и наполеонов. Все это еще и украшалось наивно и трогательно фигурками из крутых яиц, моркови и зелени. И когда гости вполне удовлетворялись великолепием вкусов и запахов, и все бутылки были уже наполовину пустыми, из уст хозяйки начинали литься одна за другой истории.

Это именно в их доме зимой 41-го года жили немцы, в том числе и соблазненный Тарантеллой кузнец Франц. Франц был высоким добродушным парнем и временами плакал, тяжело вздыхая, и говорил, что хочет домой, к своей фрау и детям. «Мне не нужна война, это Гитлеру нужна война», – говорил он в эти минуты.

Зима 41 года выдалась очень холодной и страшной, под стать остальным событиям. И в слободском доме, где жила юная Зиночка с мамой, престарелым папой, а также с братьями и сестрами, было невыносимо холодно. А тут еще и эти немцы...

Зину немцы сразу прозвали Зизи. Зизи изучала в школе немецкий, потому была в доме переводчицей. «Мутер, кальт!» – как-то подошел, поживаясь, здоровяк Франц к бабке Ирише. Зизи тут же перевела. «Скажи ему, чтоб шел туда-то и туда-то!» – ответила бабка Ириша, известная на всю Слободку крепостью и богатством своего языка в плане ругательств. «Мама говорит, что дров нет!» – перевела Зизи.

– Айн момент! – сказал Франц и ушел куда-то на полчаса, прихватив с собой лопату.

Через полчаса немец вернулся, согнутый в три погибели. На спину себе он водрузил огромный серый телеграфный столб. Столб был распилен на кругляшки, и хватило его если не на всю зиму, то надолго...

Вообще, немцы, жившие тогда, в 41-м, в доме твоих прадеда и прабабки, вели себя прилично: в хозяйстве помогали, делились с детьми сладостями из рождественских посылок и даже катали Зизи на санках, когда был снег...

Катала и Зизи, например Франца, и могла его перевернуть на глазах у остальных, и вывалить его в снег, да еще и задорно крикнуть: «Гитлер капут!». «Гитлер капут!» – отвечали ей сами немцы.

В 44-м, когда немцы отступали и снова были расквартированы в одесских домах, Зизи решила повторить старый трюк. «Гитлер

капут!» – крикнула она в лицо пожилому немцу с угрюмым выражением лица. Не меняя выражения, он выхватил из кобуры пистолет и направил его на Зину.

Жизнь ей спасла ее мама, которую все называли бабкой Иришей, и которая была матерью десяти детей: она просто подбежала и, встав между немцем и неразумной дочкой, закрыла Зизи своим телом, растопырив руки в стороны.

Неизвестно, что подействовало на немца, может быть, вспомнил свою старую мутер, где-то доживающую свой век, а может быть, уже и отошедшую на небеса, но пистолет он убрал. Молодая жизнь красавицы Зизи была спасена...

Художник Щур

Если вспоминать художника Шура, то представляется вот какая картина: маленький и щуплый, с шишкой на щеке, он бежит быстро-быстро по твоей улице домой, к своей гражданской жене Зинаиде Николаевне. Нога у него одно время была в гипсе, но это не мешало ему бежать по улице быстро-быстро, легко переставляя костыли, так что никто из детей не мог угнаться за ним.

Художник Щур имел законную жену, поэтессу Эсфирь, но отдыхал от поэтессы в уютной обстановке дома Зинаиды Николаевны. Зинаида Николаевна была старше художника лет на 10, но это, как оказалось, не имело никакого значения. «Но ведь я же моложе!» – восклицала поэтесса, искренне недоумевая, как это от нее мог уйти муж к простой учительнице, лет на 15 старше ее самой. «Да ведь в этом же твой недостаток!» – отвечал ей друг их семьи, поэт Игорь Павлов. «Пойми, Щур из тех мужчин, которым нужна женщина-мать! С заботой, с пирогами, с домашним теплом и так далее...»

В доме Зинаиды Николаевны Щур расписал красными розами все двери. В этом же доме была и его мастерская, которую он делил с твоим папой, художником Сергеем Бойко. На потолке мастерской художники нарисовали месяц в окружении множества звезд. Эту же мастерскую папа Сергей позже изобразил на своей картине: помещение в голубых тонах с одинокой ку-

шеткой в углу, одиноким черным стулом без сидения, с колченогой табуреткой и стоящей на ней пустой бутылкой, с одинокой гитарой на стене.

Возможно, на этой картине папа Сергей изобразил свое собственное внутреннее одиночество.

Художник Щур любил говорить долго и красиво. От поэта Игоря Павлова ты впоследствии услышишь, что по своим знаниям и разносторонности натуры Щур был человеком из эпохи Возрождения. В его картинах находили легкость, свойственную китайским и японским мастерам. А со Староконного базара он постоянно приносил старинные открытки, инструменты, измерительные приборы, телескопы и прочий антиквариат. Было известно также, что его жена, поэтесса Эсфирь, пыталась отравиться из-за него, но ее откачали в больнице.

А когда Щур хотел сказать, что какой-либо человек не вписывается в компанию, или присутствие этого человека в его жизни нежелательно, он говорил так: «Он из другого анекдота...».

Когда лет через 10 издали 2 комплекта открыток: «Художники Одессы» и «Художники Москвы», то на обороте открытки, изображающей художника Щура, было написано: «По профессии печник, живу на сбережения бабушки».

